

ШКОЛА И КАК В НЕЙ ВЫЖИТЬ

ВЗГЛЯД ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Родительская библиотека

Ирина Млодик

**Школа и как в ней выжить. Взгляд
гуманистического психолога**

«Теревинф»

2016

УДК 331.1:159.9
ББК 88.4

Млодик И. Ю.

Школа и как в ней выжить. Взгляд гуманистического психолога
/ И. Ю. Млодик — «Теревинф», 2016 — (Родительская
библиотека)

ISBN 978-5-98563-398-6

Автор делится с читателями своими размышлениями о том, какой должна быть школа и что нужно делать для того, чтобы ученики считали образование интересным и важным делом, выходили из стен школы готовыми к взрослой жизни: уверенными в себе, коммуникабельными, активными, творческими, умеющими защищать свои психологические границы и уважительно относиться к границам других людей. В чем особенность современной школы? Что могут сделать учителя и родители, чтобы у детей не пропадало желание учиться? Ответы на эти и многие другие вопросы вы найдете в этой книге. Издание предназначено для родителей, учителей и всех тех, кому небезразлично будущее детей.

УДК 331.1:159.9
ББК 88.4

ISBN 978-5-98563-398-6

© Млодик И. Ю., 2016
© Теревинф, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
1	7
Как все начиналось	9
Школа переходной эпохи	12
Школа настоящего	14
Разные типы современных школ	16
Родительско-центрированная школа	16
Учебно-центрированная школа	17
Личностно-центрированная школа	20
2	23
Начальная школа	24
Проблемы адаптации	25
Учитель начальных классов	28
Оценки	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирина Млодик
Школа и как в ней выжить
взгляд гуманистического психолога

Серия «Родительская библиотека»

© Издательство «Генезис», 2008

* * *

Дорогой читатель, благодарю тебя за интерес к детской психологии и моим книгам, за теплые отзывы, новые знакомства и расширяющиеся возможности сотрудничества. Это так вдохновляет!

Я хотела бы выразить большую признательность моей семье за терпение, поддержку и любовь.

Я благодарна всем учащимся и сотрудникам московской школы «Золотое сечение», оказавшим мне неоценимую помощь в создании этой книги. А также лично: Елене Яковлевне Гвирицман, Алексею Леонидовичу Куликову, Ирине Борисовне Нефедовой, Дине Григорьевне Шехтман, Наталье Георгиевне Беловой, Янине Игнатьевой, Вячеславу Викторовичу Будилину и Алине Козловой.

Я очень благодарна Марине и Грегори Эббот, Ларисе и Эдмунду Йорх за их удивительное гостеприимство и заботу.

Спасибо и моим школьным учителям, они хотели научить меня только самому лучшему.

Вместо предисловия

Идея этой книги начала созревать во мне давно, около десяти лет назад. Я искала подходящую школу для своего ребенка и была вынуждена столкнуться с разными типами общеобразовательных учреждений, учителей, подходов к обучению. В это же время я, как психолог, пришла к выводу, что у детей, попадавших ко мне на коррекцию и психотерапию, были два основных источника психологических травм: собственные родители и школа.

Как правило, все молодые специалисты отличаются энтузиазмом и наивностью. Я не была исключением и полагала, что как психолог должна не только исправлять последствия психологических травм, но по возможности выявлять и устранять причины, их вызывающие. Мой энтузиазм не иссяк и сейчас (иначе я бы никогда не взялась за эту книгу, также как и за «Книгу для неидеальных родителей»), а вот наивности за годы работы, конечно, поубавилось. Ведь вначале я думала, что если объяснить родителю, как можно «искалечить» ребенка любовью, он перестроит свою линию поведения, если показать, какие они – дети, и чего именно ждут от взрослых, то взрослые их поймут, и все изменится. Также мне казалось, расскажи я о том, что помогает ребятам учиться, а что вызывает в них протест, то учителя меня услышат, смогут приспособиться к собственным ученикам, и наступит счастье.

Наивно? Конечно! Родителю, чтобы что-то изменить в отношениях с собственным ребенком, мало понять, что именно следует изменить, нужно еще проделать колоссальную работу по осознанию себя, по отслеживанию собственных чувств, по изменению собственных весьма жестких установок, идущих еще из детства. Это тяжелый труд, на который способен далеко не каждый (точнее, очень немногие).

В школе все еще сложнее: психологическое здоровье отдельно взятого учителя, осознанность его действий и центрированность на учебных потребностях школьника в целом мало что меняют в жизни ученика (хотя и эта малость – настоящая драгоценность для отдельно взятого школьника). За спиной у педагога система – малоподвижная, консервативная, жесткая, и пробовать изменить ее усилиями одного психолога, конечно, наивно.

Поскольку я не педагог (хотя являюсь преподавателем в высшей школе), я не претендую на истинное знание о том, как правильно учить детей. Я смотрю на школу глазами психолога, смотрю, безусловно, субъективно, привнося сюда как свой родительский опыт, так и опыт профессионала, выбравшего гуманистические методы для своей работы.

Я хотела бы поделиться с вами своими размышлениями, в надежде найти единомышленников среди родителей, детей, учителей, психологов. Одному, конечно, невозможно изменить мир, если речь идет не о голливудском кино. Но я убеждена в том, что группа единомышленников способна создавать новое, которое могло бы существовать в соответствии с ценностями большинства. А большинство способно создать новую и жизнеспособную систему, даже новую систему педагогики. Я верю в это с неостывающим энтузиазмом и уже недетской наивностью, потому и взялась за настоящий проект – эту книгу.

Ирина Млодик

1

Школа

*Школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует.
Альбер Камю*

Школа – это не только место (пространство), куда приходит растущий человек, чтобы получать знания. Это огромный промежуток времени (если рассматривать его в масштабе всего детства), который проводит ребенок в этом самом месте. Школа – это сеть отношений, в которые вовлечены все мы ежедневно и ежечасно. И это система, организованная и живущая по своим законам, формирующая и изменяющая каждого, кто является ее частью. В конце концов, школа – это процесс, и не только процесс образования и становления...

*Мне всего шесть лет, и все домашние собираются на семейный совет. Главный вопрос на повестке дня: **хочу** ли я пойти в школу этой осенью? Первая учительница моей сестры набирает новый класс. Очень удачно: можно отправиться в ту же школу к знакомому педагогу. Меня спрашивают, хочу ли я этого. Я не знаю, хочу или нет, потому что вообще не знаю, что такое школа. Я представляю себе большие комнаты, как у нас в детском садике, заполненные детьми-учениками, и строгую учительницу, которая следит за тем, как мы себя ведем. Картинка не очень отличается от того, что происходит в саду, но от родителей и сестры я знаю, что школа – это большая ответственность. Поскольку я боюсь в своей шестилетней жизни всего нового и на самом деле меня пугает эта ответственность, то в школу идти я скорее боюсь. Мне хочется зацепиться за мамины слова: «она же еще маленькая и так часто болеет», но я знаю, что папа будет недоволен. Он, похоже, все давно решил. Мне ничего не остается, кроме как согласиться.*

Меня приводят к той самой учительнице на какие-то экзамены или тесты. И, несмотря на то что к своим шести годам я умею читать, писать и знаю таблицу умножения, меня просто парализует от тревоги и ответственности. Учительница строга, отбор в школу серьезен, я не должна подвести папу. В те времена – это лучшая школа в городе, «английская», с самым высоким процентом поступления в ВУЗы. Несмотря на охвативший меня ужас, я все же выполняю задания, и меня принимают. Я не помню, обрадовал ли меня сей факт или нет, помню только чувство огромного облегчения от того, что собеседования и тесты заканчиваются.

Воспоминания о начальной школе обрывочны: только отдельные эпизоды и ощущения. Из-за маленького роста я сижу на первой парте, прямо напротив учительского стола. Основное чувство на протяжении долгих трех лет – страх, переходящий в ужас, когда учительница повышает голос (а делала она это регулярно), полный ступор, когда она, рассердившись, бьет указкой или кулаком по своему (слава Богу!) столу, бьет так, что подпрыгивает даже моя парта. И еще: я до сих пор отчетливо помню состояние жуткой паники, когда надо было выходить к доске. Я стою перед классом и отвечаю совсем тихо, потому что ужас заполнил каждую клетку моего маленького существа. Меня прерывает ее разъяренное: «ГРОМЧЕ!» Я впадаю в столбняк и могу выдавить из себя лишь мучительный шепот. Ее очередное «ГРОМЧЕ!» ввергает меня в состояние полного паралича,

и я вообще уже не могу ничего сказать. Под язвительные комментарии моей мучительницы и смех одноклассников я отправляюсь на свое место и хочу только одного: стать невидимкой, чтобы никто меня не замечал, не заставлял говорить громко и с выражением, не унижал и не стучал по моей парте. Но мне предстоит пережить еще три года постоянного сверхчеловеческого напряжения, от которого я спасаюсь лишь тем, что непрерывно болею.

Моя первая учительница была замечательной женщиной, носила звание «почетный учитель». Она отдала школе всю свою жизнь. Она учила нас, как умела, как считала нужным и правильным. Все в нашем классе выучились читать, писать, вычитать и делить, и, наверное, многие ей за это благодарны. Но теперь, уже будучи взрослой, я совершенно убеждена, что могла научиться этому и не заработав невроз, последствия которого придется расхлебывать всю оставшуюся жизнь. Я уверена, что учить детей хорошо и «правильно» можно не только манипулируя их чувствами, внушая страх, подавляя в них личность, целиком подчиняя себе и своим целям. Я знаю, что дети значительно эффективнее учатся в атмосфере уважения, поддержки и принятия. Они легко, без всякого страха, следуют за учителем, когда им интересно и когда они понимают, для чего нужны все эти знания, которые взрослые почему-то считают важными априори.

Вот послание, которое я вынесла из своей школьной жизни:

«Будь послушной, усердной, старайся, много работай! То, что сказали взрослые люди до тебя, значительно правильнее всего того, что можешь сказать ты. Есть непреложные истины, которые тебе следует знать, не оспаривая и не подвергая их сомнению. Будь прилежной, исполнительной, следуй установленным правилам, слушай старших и усердно учись! Только тогда ты избежишь недовольства представителей взрослого мира и, возможно, даже получишь поощрение».

Что интересно, оно усвоилось значительно прочнее, чем многие знания, вбивавшиеся в мою голову с немалым напором. Знания забылись, послание всегда со мной. Да, оно до сих пор помогает мне быть усердной и много работать, но делает ли это меня счастливой? Кроме того, только мои психотерапевты знают, какие сверхчеловеческие усилия мне пришлось приложить, чтобы позволить себе иметь право на собственное мнение, чтобы научиться видеть мир не только таким, каким он уже описан в книгах, чтобы когда-нибудь разрешить себе звучать.

«Время было такое», – скажут некоторые. Кого еще должны были готовить школы в эпоху социализма, тем более в период застоя? Конечно, исполнителей: послушных, усердных, внушаемых, способных без сомнений и колебаний разделять и поддерживать нужные стране идеи. Те немногочисленные творцы и люди, которые видели не только то, что позволено партией, объявлялись либо диссидентами, либо маргиналами, либо сумасшедшими. Смотреть на мир не через призму коммунистических идей было явно неадаптивным поведением и каралось как минимум постепенным выдавливанием из сообщества, как максимум – психиатрическим лечением. По иронии сложившихся обстоятельств в нашей стране лечили чаще всего тех, кто был наиболее здоров.

Как все начиналось

Школьные учителя обладают властью, о которой премьер-министры могут только мечтать.

У. Черчилль

В большевистской России все начиналось, как всегда, с весьма светлой идеи: сделать все население нашей необъятной Родины грамотным, для чего в 1919 году был издан декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». По этому декрету «все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке по желанию». Хорошую и весьма гуманистическую идею, как и многие другие, столь же светлые идеи, большевизм исковеркает позже, используя их в своих политических целях.

Реформа образования, узаконенная в октябре 1918 года декретом «О единой трудовой школе», основывалась на вполне прогрессивных и здравых мыслях:

- демократичность (бесплатность, общедоступность, светскость);
- преемственность (творческая интерпретация весьма прогрессивных педагогических идей зарубежной и отечественной педагогики);
- гуманистические подходы к свободному развитию личности;
- целостность.

Но времена экспериментов и педагогических новаций в молодой республике быстро заканчиваются. Большевики, стоящие у руля огромного государства, понимают, что школа – это не просто элемент образовательной системы. Это главный государственный институт, «создающий» гражданина и воспроизводящий общество, так называемый «консервативный „генетический аппарат“ культуры» (С. Г. Кара-Мурза. Советская цивилизация. Том I). И школа становится главным идеологическим учреждением, в котором, исходя из тоталитарной идеологии, вводится единообразие программ (вовсе не для того, чтобы обеспечить надлежащий уровень образования). В советской школе унифицируются формы обучения, напрочь забываются светлые идеи декрета «Об учете индивидуальных особенностей детей», поскольку всем детям России предстоит стать общей народной единицей – «советским гражданином». Вскоре также забываются идеи о самоуправлении учащихся, школой чуть позже будут напрямую управлять Партия и Комсомол.

Таким образом, к началу тридцатых годов назревшее противоречие между концепцией трудовой школы (в которой были заложены такие ценности, как ориентация на развитие личности ребенка, установка на его творческую деятельность, стремление гармонизировать запросы общества и интересы отдельно взятого человека) и задачами тоталитарного государства полностью разрешается в пользу государства. Большевистское правление берет школу под жесткий централизованный контроль, отныне регламентируя все учебно-воспитательные процессы.

Школа миллионными тиражами начинает выпускать «советского гражданина», укомплектованного не только общими знаниями, но и соответствующей идеологической начинкой, сформированного с жестко определенными задатками, взглядами на мир, психологией. Все, кто «не подходил» под заданные советским государством стандарты, окончательно истребляются во времена сталинизма.

Каковы же были качества того самого «советского гражданина»? «Преданность коммунизму и непримиримость к его врагам, сознание общественного долга, активное участие в труде на благо общества, добровольное соблюдение основных правил человеческого общежития, товарищеская взаимопомощь, честность и правдивость, нетерпимость к нарушителям общественного порядка... забота об общем благе народа, о всестороннем развитии чело-

веческой личности в условиях коллектива», – из доклада Н. С. Хрущева на Внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза. И это уже «оттепель»! А если вспомнить историю, пробежаться по книгам и фильмам той эпохи и, очистив сознание от пропагандистской шелухи, посмотреть на советского человека глазами психолога, очевидно, что он должен был:

- быть максимально приспособленным для идеологических и политических манипуляций;
- не иметь своего мнения, отличающегося от мнения партии и правительства;
- не задавать провокационных вопросов и вообще не задаваться вопросами;
- всегда быть довольным тем, что есть, и никогда не хотеть большего;
- много работать исключительно из рабочего энтузиазма, а не ради личной наживы;
- быть идейно выдержанным, а значит, не подвергать сомнению ценности социалистического строя;
- быть творческим в жестко заданных рамках;
- всегда ставить коллективные цели выше своих собственных;
- не выделяться ни личностно, ни профессионально (можно выделяться только по партийной линии, то есть выделяться в своем послушании).

Все эти качества присущи *авторитарной психологии*, согласно которой один человек (некий авторитет) определяет, что хорошо для всех, он же изобретает и утверждает законы и нормы поведения. И если основные мотивы этого авторитета – получение и удержание собственной власти, то все законы и нормы будут создаваться и поддерживаться только ради этого, а не для прогресса или здоровья общества. Более того, авторитету выгодно постоянно внушать людям, что сами они не способны создавать и поддерживать моральные нормы и ценности, то есть, говоря проще, отличать добро от зла. Одними из самых больших грехов авторитарной психологии являются неповиновение и неуверенность в праве авторитета на управление всеми, на установление норм, сомнение в том, что эти нормы – самые лучшие.

По законам авторитарной этики и психологии росло и крепло молодое советское государство, усиливая собственную власть за счет запугивания жителей сначала внешним, а потом и внутренним врагом. Страх, стыд и вина – вот те таинственные кнопки в душах каждого, на которые так активно нажимали большевики вплоть до самого застоя. Эти кнопки безотказно работали и включали все нужные манипулятивные схемы по удержанию власти в огромной стране.

Конечно, практически любое общеобразовательное учреждение в советской России тех времен было слепком с государства. Школа не могла остаться хоть сколь-нибудь гуманистической, как изначально задумывал ее Луначарский. Собственные законы и нормы, которые была бы способна создать и которым могла бы следовать конкретная школа, психологическая независимость и раскрытие своего потенциала всеми участниками обучающего процесса, их забота о благополучии отдельно взятого человека, а не всего социалистического общества в целом, – все это не только не подходило для авторитарного государства, но и было чрезвычайно опасным. И гуманистическая этика на долгие годы покинула просторы Советского Союза.

В школе воцарился авторитаризм. Все, от директора школы до первоклассника, стали объектом, вещью государства. Вещь считается хорошей, если она соответствует требованиям того, кто ее использует. «Хорошими» назывались лишь те школы, директора, учителя и ученики, которые соответствовали идеологическим требованиям государства, те, кто был управляем, послушен, чьи сердца и головы разделяли социалистические ценности и никогда, ни при каких обстоятельствах не ставили их под сомнение. «Плохие» быстро переставали существовать.

В этом смысле слова Камю о том, что «*школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует*», взятые мной в качестве эпиграфа к этой главе, сочли бы в те времена неверными.

Наша школа идеально готовила своих учеников для жизни в реально существующем социалистическом лагере. Она выпускала практически идеальную модель гражданина, приучая его быть послушным, исполнительным, трудолюбивым. Во всяком случае, из меня, не бунтаря по натуре, получился практически идеальный советский человек. Чем я, вероятно, могла бы гордиться в прежние времена. Сейчас же мне приходится тратить немало времени и сил на то, чтобы произвести ревизию в «наследстве», оставленном мне школой и государством, и избавиться от того, что теперь мне не позволяет жить счастливо и свободно, сохранить то, что было полезным и подходящим, и разобраться в том, как отделить хорошее от плохого.

Школа переходной эпохи

*Школа – это заведение, где детей учат нужному и ненужному
вперемешку, всячески мешая им отличать одно от другого.*

Виктор Кротов

К концу XX века социалистическое государство неожиданно (для нас, простых советских граждан) дало трещину и в считанные месяцы расползлось по швам. Вместе с социалистическими ценностями пошатнулись нравственные устои и идеологические основания. Исчезла с лица российской земли прежняя коммунистическая партия, долгие годы указывавшая, как нам жить.

К тому времени я уже окончила институт, у меня была семья и собственный ребенок. Но я помню растерянность и тревогу, охватившие меня, когда я услышала о роспуске компартии. Разум твердо знал, что это должно было произойти. В глубине души мой «взрослый» гордился тем, что на его глазах наконец творится История, и чувствовал свою колоссальную ответственность за это. Но маленькая девочка – ученица хорошей английской школы испытывала настоящий ужас перед грядущим, в котором теперь не существовало никаких твердых ориентиров, никаких однозначно заданных ценностей, никаких твердых оснований.

Наступивший хаос и «разгул» только укреплял этот глубоко спрятанный страх. Страна несколько весьма бурных лет походила на огромную компанию подростков, первый раз собравшихся на даче без родителей. Страна хотела попробовать все, что ей так долго запрещалось: иные мнения, иные партии, частную собственность, индивидуальную деятельность, рыночную экономику, свободу слова и творчества и многое-многое другое, отнюдь не всегда здоровое и прогрессивное. Теперь каждый должен был самостоятельно решать вопросы добра и зла. На первых порах это казалось более сложным и непривычным, чем поступать исходя из чьих-то прежних и якобы априори «правильных» представлений.

Законы авторитарной этики переставали работать, а правила и нормы новой этики еще не сложились. Неудивительно, что очень скоро многие стали мечтать о возвращении «сильной власти», не в состоянии перестроить собственную психологию, психологию подчиненности, которая при всех ее издержках так хорошо создавала иллюзию защищенности и безответственности.

Каково же было школе в эти сложные времена? Не имеющая себе равных консервативность системы образования давала ей возможность оставаться стабильной и по-прежнему учить и воспитывать детей, несмотря на затянувшуюся штормовую политическую «погоду» в стране. В этом, на мой взгляд, большая заслуга школы того периода. Из-под ее ног выбили почву, отменив пионерскую организацию и комсомол. Школа вынуждена была находить собственные нравственные основания и ориентиры, на которые опирались бы учителя и которые транслировались бы детям. Именно в тот момент, когда заданность сверху сменилась необходимостью личного нравственного и профессионального выбора, школа стала более «персональной». Личность директора и учителя стала основополагающей и атмосферосоздающей.

Каждая конкретная школа постепенно, и чем дальше, тем все больше, становилась отражением личности ее директора и педагогического коллектива. Вносить серьезные изменения в сам учебный процесс отваживались только учителя-новаторы, исчислявшиеся десятками на многомиллионную Россию, так что сам обучающий процесс практически оставался неизменным, но вот подход к детям, мировоззренческий и нравственный контекст теперь во многом задавались нюансами педагогических взглядов на тот или иной предмет.

Вскоре был издан Закон об образовании, объявивший о «свободе и плюрализме в образовании», провозгласивший «демократический, государственно-общественный характер управ-

ления образованием», разрешивший частные школы и закрепивший на бумаге различные принципы нового образования, в том числе гуманистические: «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье».

Школьная система наконец получила узаконенную свободу. Свободу «от...» или свободу «для...»?

Школа настоящего

Школа – это место, где илифуют бульжники и губят алмазы.
Роберт Ингерсолл

Школа настоящего, окончательно расставшись с социалистической идеологией прошлого, однако не спешит расставаться с прежней авторитарной психологией и этикой. Ученик, как и много лет назад, – объект обучения. Учитель – субъект. Субъект обучает объект. Тот, кто знает, рассказывает тому, кто не знает. Учитель требует, ученик исполняет требования, по-прежнему желательно беспрекословно и не задавая лишних вопросов. Один – главный и всегда вверху, «над». Другой – подчиненный и всегда внизу, «под». Так было во все времена. Неужели может быть как-то иначе?

Школа настоящего является, по-моему, оплотом консерватизма до сей поры. И я употребляю это слово вовсе не в негативном аспекте (мол, прогрессивное – все однозначно хорошее, а консервативное – однозначно плохое и устаревшее). В консерватизме есть, безусловно, свои плюсы. Например, то, что в консервативных системах перемены происходят медленно и проходят неоднократную проверку, прежде чем претворятся в жизнь. Для психики ребенка это важно, поскольку детям необходима внешняя стабильность. Консерватизм позволяет сохранять традиции и устои, многие из которых значимы во все времена, а в более прогрессивных системах оказываются выброшенными на задворки. Кроме того, консерватизм проще и безопаснее. Это система, где все известно, все предсказуемо, все неоднократно проверено, все однозначно, одномерно... и бесперспективно.

Современная школа вполне благосклонно приняла свободу «от...» и отбросила от себя идеологическую чешую, слегка горюя, но все же смирившись с потерей таких дисциплинообразующих структур, как пионерская и комсомольская организации. Но вот свободой «для...» пользоваться, на мой взгляд, не научилась за весьма редкими исключениями.

Складывается весьма удручающий парадокс. Общество продолжает динамично изменяться, хоть и не так бурно, как в переходный период. А школа во многом остается прежней. И вот теперь Камю становится правым в том, что современная *«школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует»*. Скорее даже так: школа выпускает детей, плохо приспособленных к тому миру, где им предстоит жить.

Посмотрим, какие требования предъявляет общество к взрослому человеку, стремящемуся иметь жилье, стабильный доход, статус, признание и прочие атрибуты благополучия. Он должен:

- иметь независимую позицию;
- уметь принимать собственные решения и нести за них ответственность;
- обладать качествами лидера;
- быть в курсе всего нового, что появляется в информационном поле;
- самому быть законодателем нового, первооткрывателем в своем бизнесе или профессии;
- быть максимально креативным как в собственной профессии, так и в жизни;
- быть упорным и настойчивым в достижении собственных целей;
- иметь значительную устойчивость к стрессам и способность быстро восстанавливаться после полученного негативного опыта;
- быть уверенным в себе, осознавать собственные таланты и способности и умело реализовывать их в своей жизни.

То есть если в трех словах: *быть активным, плодотворным, независимым*. Это качества противоположные тому, что задает авторитарная педагогика: *быть пассивным, исполнитель-*

ным (реализовывать чужие идеи, а не генерировать собственные), *зависимым-подчиненным*. Получается, что школы, где субъектобъектные отношения являются главными, где авторитарная педагогика по-прежнему процветает, выпускают детей, максимально не приспособленных к тому, чтобы стать успешными взрослыми настоящего времени. Вот вам и обратная сторона стабильности, безопасности и сопротивления переменам. Как точно сказал Н. А. Бердяев: *«Истинный консерватизм есть борьба вечности со временем»*. Причем вечность при консерватизме всегда побеждает.

Разные типы современных школ

Притом, что школа по-прежнему остается весьма «персональной», то есть наделенной чертами и характеристиками ее педагогического состава, появляется некоторое своеобразие, формирующееся исходя из того, кто становится главным в школе и оказывает наибольшее влияние на все процессы. С этой точки зрения школы делятся на несколько типов.

Родительско-центрированная школа

Как мне надоело вызывать в школу твоих родителей! Уж лучше бы ты сиротой родился.

Высказывание одного учителя

Это школа, где родитель является фигурой, задающей, определяющей и контролирующей все процессы. Такой тип школ характерен в основном для частного, платного образования. На том основании, что родитель вносит определенную сумму за обучение, он решает (а школа потворствует ему в этом решении), что является хозяином ситуации и процесса. Отчетливо понимая, что деньги дают определенную власть, он спешит ею воспользоваться, часто совершенно не разбираясь ни в методологии учебного процесса, ни в общих принципах обучения, ни в преподавательской специфике отдельных предметов.

Школа, будучи зависимой от родительских «вложений», соглашается на подобный контроль и вмешательство, которые в большинстве случаев наносят вред как отдельно взятому ребенку, так и всей обучающей системе в целом. Педагогический коллектив парализует даже любой намек на родительское недовольство, а тем более возможность открытого конфликта, способного привести к прекращению договора с данным родителем или к еще более неприятным последствиям.

В результате школа становится не местом получения образования детьми, а местом реализации родительских амбиций и тревог. Школа «для родителей», пытаясь максимально следовать их требованиям, упускает из виду свою основную образовательную задачу. При этом удовлетворить потребности собственных заказчиков она, как правило, также оказывается не в силах. Родителей много, и их запросы по отношению к школе могут быть не просто разными, а противоположными.

Родительское собрание в классе моего сына. Много вопросов, которые требуют немедленного решения. Один из них – дисциплина. Мне, как родителю, совершенно не понятно, почему возникает такая проблема. Я знаю своего сына, ему нужно внимание учителя по отношению к нему лично, он в состоянии эффективно учиться только при одном условии: если ему интересно, если все его существо захвачено решением какой-то важной и увлекательной задачи. Я не успеваю высказать свою точку зрения, как вступают матери других детей, и мне становится страшно.

– Вы должны заставить детей учиться. Ведь это их работа. Нам тоже не очень хотелось ходить в школу, но мы же ходили. Вы просто не можете их заставить.

– Я считаю, что дисциплина – это вообще самое важное. И она должна быть максимально строгой. Мы же воспитываем будущих солдат!

– А мне кажется, что дети совсем распустились, потому что в школе нет никакого нравственного воспитания. Если бы дети уважали старших, то не было бы и никаких проблем с дисциплиной.

*Мне страшно оттого, что я не хочу растить солдата, не хочу, чтобы он ходил в школу из чувства долга, не хочу, чтобы на него давили, навязывали свое мнение, приказывали, не хочу, чтобы его «строили» и требовали от него уважения. Я хочу, чтобы он уважал **по собственной воле**, приучился **сам себя** контролировать, и хочу, чтобы в школу ему идти **хотелось**. Но я боюсь, что школа примет позицию большинства родителей, а в этом случае нам снова придется искать новое место.*

Родительско-центрированная школа просто обречена на постоянное недовольство родителей. И как бы ни хотелось педагогам сгладить острые углы, конфликты и претензии неизбежны. Для одного родителя важны дисциплина и послушание, для другого – уровень получаемых ребенком знаний, для третьего – хорошие оценки, для меня, например, самым важным всегда было обучение с удовольствием при сохранении и развитии личности моего сына. Наши требования настолько разные, что удовлетворить их все в отдельно взятом классе или школе нереально.

Родитель, хоть и фигура весьма ограниченной компетентности, в такой школе решает вопросы, в каком классе учиться его чаду, на какие предметы делать упор, как оценивать учителям его знания и т. д.

Поскольку родитель является взрослым представителем ребенка, он, конечно, вправе излагать собственное видение ситуации по поводу обучения детей, но в других типах школ у него всего лишь «совещательный голос», а в школах такого типа – «решающий».

Психологические проблемы, часто возникающие в родительско-центрированной школе:

- неуважение детей к тому, кто их учит, и, как следствие, проблемы с дисциплиной (поскольку родитель неосознанно транслирует эту позицию своему ребенку, «командуя» учителем и школой, относясь к ним как к личной прислуге);
- пассивность и развивающийся психологический инфантилизм детей, не несущих ответственности за собственный процесс обучения (родительская трансляция – «во всем виновата школа» и «я схожу в школу и все решу за тебя»);
- постоянный стресс, испытываемый учителями от необходимости приспосабливаться к требованиям родителей, и неизбежный перенос его на детей;
- потребительская позиция детей по отношению к жизни (трансляция потребительской позиции родителей по отношению к школе);
- пониженная мотивация к обучению у детей (из-за невозможности учителей выработать рабочие и здоровые отношения с учениками).

Таким образом, родительско-центрированная школа выпускает пассивных, склонных к инфантильности детей, малоспособных выживать в конкурирующем поле без помощи родителей, укрепляет родительскую иллюзию о необходимости и возможности тотального контроля над ребенком, укореняет в учительском составе неуверенность в себе, позицию подчиненности и неуважение к собственным педагогическим основаниям и взглядам.

Учебно-центрированная школа

Образование есть то, что остается когда забывается все, чему нас учили.

А. Эйнштейн

Это школа, где всем заправляет учебный процесс. Подобная система характерна главным образом для специализированных учебных заведений так называемого «старого» типа: языковых, математических и иной направленности. Здесь ребенок с его реальными способ-

ностями, личностными характеристиками, психологическими особенностями и взглядами на мир никого не интересует, особенно если он не прилежен в обучении.

Зачастую такие школы, уделяя много времени и сил именно обучению, в результате не дают детям необходимых знаний. Потому что знания – это то, что ребенком усвоилось, то, чем он может оперировать, а не то, что он может просто воспроизводить. Подобные школы, как правило, работают по принципу авторитарной психологии. Учитель транслирует, ученик воспроизводит. Учитель априори всегда знает лучше. Школьник должен заучить методы, законы, принципы, параграфы, ответить без запинки и не задумываясь, как можно по-другому рассмотреть проблему, решить задачу, найти закономерности.

Умение ученика воспроизводить заученное оценивается по пятибалльной шкале. Недаром отметка в таких школах воспринимается часто как истина в последней инстанции, как однозначный показатель уровня знаний. Хотя понятно, что это всего лишь *субъективное* представление учителя о способностях ученика отвечать на запросы *данной* обучающей программы. Еще печальнее, на мой взгляд, что такая субъективная данность, как оценка, часто обобщается и распространяется на личность ребенка в целом: «он – плохой ученик», «он никуда не годится», «из него ничего не получится» и т. д. Хотя его тройки по математике говорят всего лишь о затруднениях в восприятии этого раздела программы, которые могут быть вызваны не только и не столько «ленью» самого ученика, сколько его наследственными способностями, особенностями развития, персональным когнитивным стилем, особенностью темперамента, отношениями с учителем, психологическим состоянием в определенный период времени и, в конце концов, неспособностью учителя объяснить материал.

Но поскольку отношения в школе основаны на авторитарной психологии, у ученика практически нет шансов не принимать плохие оценки всерьез, поскольку из них складывается его образ успешного или неуспешного члена общества в целом. И ребенок либо рискует стать «неудачником» и «плохим» для родителей и школы, либо вынужден учиться, выжимая максимум из своего потенциала.

Школы, центрированные на учебном процессе, как правило, тесно связаны с какими-то престижными высшими учебными заведениями, и их цель – подготовить детей к поступлению в соответствующие ВУЗы. Цель, согласитесь, благая. Но средства:

- высокие и не всегда оправданные психологические и интеллектуальные нагрузки;
- необходимость поглощать огромные объемы информации, далеко не всегда переходящие в реальные знания;
- высокий и постоянный уровень стресса;
- страх получения плохих оценок;
- нагнетание учителями тревоги перед ответственными мероприятиями (экзаменами, контрольными, открытыми уроками);
- поддержание мотивации избегания (плохих отметок и замечаний) в ущерб мотивации стремления (получение новых, интересных знаний);
- жесткая дисциплина на основе безусловного и необсуждаемого подчинения;
- формирование усердности, переходящей в трудоголизм.

Еще много лет спустя после того, как я закончила школу, мне снится, как я сдаю экзамены. Меня прошибает пот от мысли, что я ничего не знаю, ничего не смогу ответить и неизбежно окажусь перед лицом полного провала. Мой страх настолько велик, что его можно сравнить лишь с ужасом смерти. Только во снах, где мне грезится, что вот-вот умру, я испытываю похожее чувство.

Сколько себя помню, я училась. Начиная с 6 лет каждый мой вечер за исключением праздников, каникул и некоторых выходных был занят уроками. Только некоторые из них – литературу и английский язык – я делала, можно

сказать, с удовольствием. По литературе была такая чудесная форма работы, как сочинения, которые я писала всегда с неизменным увлечением, но, к моему удивлению, получала стабильное «четыре» за содержание. И только списав одно из домашних сочинений с критических статей, получила «пять». Тогда я поняла, что мое мнение о персонажах и понимание смысла произведения на самом деле никого не интересуют и что списывать с того, кто уже когда-то умно и грамотно все изложил – явно более адаптивное и эффективное поведение.

Когда я была ученицей, в моей английской школе был явный уклон в сторону технических наук, посему физику или химию как специальность выбирали подавляющее число учеников. Стала студенткой физико-химического факультета одного из столичных ВУЗов и я. Химик-технолог из меня получился неплохой, только ненадолго. Кризис в стране и в моей жизни, к счастью, вывел меня к совсем другим – гуманитарным берегам.

Все, что дала мне школа, – это: замечательный шанс учиться в столичном институте, удивительные исполнительские способности, редкостное прилежание и послушание, полную неспособность расслабиться, если дела не сделаны, веру в непререкаемые авторитеты, избыточное старание в любом, иногда не стоящем того, деле, сильную зависимость от оценок других людей и невозможность иметь собственное мнение и собственную позицию.

Несомненно, у меня была некая предрасположенность к тому, чтобы стать такой, ведь наша школа не выпускала клонов с одинаковыми характеристиками, но ее десятилетнее влияние на мою детскую психику было совершенно очевидным. И с этим влиянием мне пришлось непросто уже в институте, где требовались навыки самоорганизации, где приходилось решать массу нестандартных задач, где материал невозможно было просто выучить, его надо было понять и уметь им оперировать. Меня отчасти спасало только невероятное усердие.

В жизни после института моя зависимость от чужих оценок убивала даже возможность каких-то новых начинаний, отсутствие собственного мнения и позиции мешало не только в отношениях, но и в работе, исполнительность не давала возможности творить, а неспособность расслабиться делала меня тревожной, напряженной и болезненной. Только занятия психологией (на протяжении десяти с лишним лет!) помогли мне оставить в прошлом то, что мешало мне жить еще с детства.

Учебно-центрированные школы до сих пор очень популярны среди родителей, особенно в провинции. И мне как психологу и родителю понятны причины такой популярности. Школа благодаря своим жестким требованиям к обучению значительно уменьшает родительскую тревогу, поскольку дает определенные гарантии конкурентоспособности ребенка в абитуриентской гонке и повышает шансы поступления в ВУЗ. Причем поступление в хороший институт многими родителями по-прежнему воспринимается как окончательная точка приложения всех усилий. Хотя настоящее образование, как правило, в ВУЗе только начинается, и приходит пора проявиться накопленным за годы обучения в школе навыкам, как образовательным, так и психологическим. И в этот период дети из учебно-центрированных школ нередко оказываются не на высоте. Им мешают определенные психологические особенности:

– перфекционизм (стремление выполнить даже простое задание совершенно, непрерывно внося улучшения, затрачивая на это много времени и усилий);

- тревожность (как конструирование негативного будущего, постоянное ожидание провала, особенно перед экзаменами);
- привычка к конвергентному мышлению (ориентирование на поиск единственного и «правильного» решения поставленной задачи);
- интроективность (способность «заглатывать» получаемый материал, не анализируя его и не перерабатывая в реальные знания);
- привычка в процессе обучения опираться в основном на кратковременную память, мало задействуя остальные психические функции: восприятие, логику, воображение;
- сильная зависимость от любой внешней оценки;
- трудности с формированием собственной позиции по разным вопросам и собственного взгляда на вещи.

Что помогает им учиться более-менее стабильно? Дисциплинированность и усердие. У вузовских педагогов с авторитарным подходом к обучению такие ученики могут показывать неплохие результаты, поскольку находятся в привычных для них отношениях. Но в целом они либо отдаются радостям студенческой жизни, которая после школы им кажется лишенной ответственности и внешнего контроля, с трудом вырабатывая самоконтроль, либо снова прилагают большие усилия, чтобы приспособиться к новой учебной ситуации.

После окончания институтов бывшие ученики, как правило, прекрасно справляются с задачами, требующими усердия и исполнительности, но редко становятся лидерами, руководителями, создателями собственного бизнеса, новаторами, творцами. Конечно, многое определяется не только влиянием школы, но и личностью отдельно взятого ребенка, однако десять-одиннадцать лет активного психологического воздействия значимых для него взрослых не могут не оставить следа.

Личностно-центрированная школа

*Человека формирует все великое.
Иоганн Вольфганг Гете*

Это школа, в которой личность человека – учителя, директора, ученика – и есть тот самый фокус внимания. Именно личностью задаются и поддерживаются все процессы обучения, кроме того, именно личность – жизнетворческая и творческая сила во всей школьной жизни. К сожалению, в России пока таких школ немного, хотя есть некоторая надежда, что число их будет постепенно расти.

В настоящее время это по большей части авторские школы, то есть те, в которых директор является, безусловно, яркой и харизматичной фигурой, со специфическими педагогическими взглядами, с авторскими наработками в построении образовательной системы в рамках вверенной ему школы. Соответственно этому директор формирует педколлектив, транслируя и поддерживая во всей школе ценности собственного подхода к обучению и детям. В большинстве случаев это гуманистические ценности, такие как: здоровое социальное и личностное развитие детей, формирование критичности их мышления, становление собственного образа, а не навязывание чужого, обучение на основе сотрудничества, открытость, честность и возможность самоактуализации и самоопределения.

Иными словами, сам являясь яркой личностью, директор формирует и поддерживает образовательную среду, в которой каждый в школе может проявлять и развивать собственную личность. Такая школа, на мой взгляд, наконец становится тем, чем и должна быть: местом, где ребенок занимается образованием, в исконном понимании этого слова (образование – «становление собственного образа»).

В данном случае школа уходит от своего парадоксального назначения, которое особенно было развито при социализме. Вспомните, когда не уборщицы существовали для людей, а люди – для уборщиц («не ходите здесь, я уже вымыла!»), а также больницы для медперсонала, рестораны для швейцаров, магазины для продавцов и так далее. Тогда все структуры как будто создавались для удобства тех, кто там работает, а не для тех, кому они, собственно, и были предназначены. Старая авторитарная школа была типичной школой для учителей, где все в ней строилось исходя из интересов кого угодно – директора, учителя, государства, но только не из интересов детей, в ней обучающихся. Ребенок должен был соответствовать определенным ожиданиям, чтобы выдавать нужные показатели, и слушаться, чтобы не создавать никому неудобств. Он занимался не становлением собственного образа, а впитыванием учительского представления о нем самом, не формировал собственные ценности и взгляды, а волей-неволей перенимал ценности и взгляды своего учителя, присовокупляя их к родительским. И при этом совершенно терял представление о том, кто он такой. А потом получал бесконечные нарекания: за подражание старшим товарищам (не всегда нравившимся родителям), разным кумирам, западным взглядам (не одобряемым комсомольской организацией). Хотя все, чему его учили – слепо подражать.

В школе, где личность ребенка имеет значение (причем не в ущерб личности учителя), нет твердой дисциплины, послушания и тишины, потому что невозможно строго придерживаться одних правил для всех. Потому что здесь важны не *все*, здесь важен *каждый*. Здесь индивидуальность является ценностью, а вопрос «Ты что, особенный?» не считается «наездом».

Повышенное внимание к личности ребенка совершенно не означает, что сам процесс обучения вторичен или неважен, конечно, нет. Это означает, что в школе готовы персонально подходить и к обучению тоже, учитывая характерологические, когнитивные, психологические особенности учащихся и выстраивая программу исходя из этих характеристик.

Естественно, что преподавание в такой школе предъявляет к учителям особые требования:

- иметь зрелую и хорошо осознающую себя личность;
- иметь независимую позицию и одновременно с этим – способность выстраивать с учениками равные отношения;
- иметь искренний интерес как к детям, так и к преподаваемому предмету;
- быть гибкими в педагогических подходах;
- обладать прекрасными коммуникативными навыками и развитой эмпатией;
- уметь чувствовать собственные психологические границы, не позволяя нарушать их детям, но и не нарушать границы своих учеников;
- быть людьми, увлеченными жизнью и собственной профессией.

Безусловно, найти таких учителей значительно сложнее, чем учителей, уставших от всего, реализующих свой непроработанный комплекс власти, преподающих скорее от безвыходности, чем из профессионального интереса. Но в личностно-центрированных школах происходит своеобразный естественный отбор: принимаются и остаются только те, кто отвечает запросам такой специфической образовательной среды. Перед самой школой как системой стоит также непростая задача: совместить учебный план со стилем обучения каждого конкретного учащегося. Тем не менее эти усилия часто бывают оправданны, потому что результаты такого обучения, как правило, удовлетворяют и детей, и родителей, и последующие системы высшего образования.

Личностно-центрированные школы отличаются самой атмосферой, которая говорит о том, что дети здесь не только учатся, они тут живут. В школе происходит много важных для них событий: роли в интересных спектаклях, победы в сложных конкурсах, преодоления в трудных походах. Здесь их ждут, ими интересуются, за них переживают, их поддерживают, развивают

их способности, выявляют таланты, помогают справиться с тем, что сложно. И, как ни странно, в таких школах нет полного попустительства и хаоса. Этому способствует уникальное сочетание структуры (уроки, перемены, подготовка) и свободы (разнообразные по своей форме уроки и многочисленные виды внеурочной деятельности). К тому же в любой подобной школе существуют правила или устав, за нарушение которых последуют определенные санкции.

И все же, несмотря на массу неоспоримых для меня (как для родителя, так и для психолога) достоинств, такие школы имеют свои недостатки:

- трудности в подборе соответствующих кадров;
- процент поступления выпускников в ВУЗы может быть меньше, чем в учебно-центрированных школах при условии, если у родителей нет дополнительных финансовых возможностей;
- родители постоянно вынуждены иметь дело не с воспитанным, послушным и дисциплинированным ребенком, а с человеком, имеющим собственную жизненную позицию, которая подчас может отличаться от родительской;
- такие школы выпускают свободомыслящих и творческих детей с независимыми взглядами, способных жить и работать только в демократическом государстве.

Как можно заметить, недостатки эти будут существовать до тех пор, пока гуманистические, а не авторитарные, ценности перестанут восприниматься обществом как некое исключение. Пока людей (учителей, директоров, родителей, детей), желающих и способных опираться на собственные взгляды и ценности, независимых и активных, не станет достаточно, чтобы считать это нормой.

Родители, чья психика сформирована по законам авторитарной психологии, часто испытывают значительные затруднения оттого, что их ребенок учится в подобной школе, поскольку им самим непонятно, как можно построить обучающий процесс без строгой дисциплины и принуждения. *«Мы в свое время в школе „пахали“, учились с утра до вечера и выросли же, теперь ничем не хуже других („даже лучше“ – подразумевается)!»* — это их основной аргумент. Часто родители неосознанно завидуют ребенку, который может выучиться, радуясь и не напрягаясь. Как правило, такие родители в результате либо вообще не выбирают подобные школы, либо достаточно быстро переводят детей в учебно-центрированные школы, которые им ближе по духу, ценностям и подходу.

Дети, окончившие личностно-центрированные школы, на первый взгляд практически ничем не отличаются от других детей, но все-таки имеют ряд особенностей. Они:

- не являются «университетской корзиной», куда сложена самая разнообразная информация, но они способны организовывать свой познавательный и мыслительный процесс, а также сбор нужной информации;
- неплохо осознают собственные психологические и когнитивные особенности;
- привыкли к равному отношению и плохо переносят авторитарные структуры;
- руководствуются мотивацией собственных достижений, им неведом страх наказания;
- коммуникабельны и легко выстраивают нужные им отношения;
- иногда страдают от негуманности окружающего мира, но способны создавать или принимать участие в организациях, разделяющих их ценности и взгляды;
- уверены в себе, способны защищать собственные психологические границы и так же уважительно относятся к границам других людей;
- находят образование интересным и важным делом.

Мне, как психологу, конечно, хочется, чтобы не только школа, все образование в России стало личностно-ориентированным. Понимаю, насколько утопична пока моя идея. Такая школа невыгодна государству, пожалуй, для него она даже опасна. Люди должны быть независимы от авторитетов и внушаемы, иначе ими трудно управлять. Понятно также, что некоторым всегда будет нравиться, как проще.

2

Этапы школьной жизни

В нашей стране по возрастным особенностям школа делится на три подразделения: начальная, средняя и старшая. И несмотря на то что, как правило, они объединены общим помещением, единым образовательным процессом и подчинены одной и той же административной системе, они отличаются друг от друга атмосферой и психологическими особенностями всех участников обучения не меньше, чем представители разных культурных групп. Поэтому, как мне кажется, стоит рассмотреть каждую из них подробнее.

Начальная школа

Только самые мудрые и самые глупые не поддаются обучению.
Конфуций

Начальная школа – это то, с чего все начинается. Это начало пути на старте маленькой семилетней жизни, начало свершений и тревог, побед и поражений. И одновременно начальная школа – это конец. Конец беззаботного детства с его безграничностью дня, безудержными фантазиями, веселыми играми и нехитрыми жизненными задачами, самые сложные из которых: необходимость молчать, пока взрослые ведут скучнейшие длиннющие разговоры, и постылая уборка игрушек после увлекательной игры.

Для большинства детей советского времени начало обучения в школе было радостно ожидаемым событием. Ребенок, выращенный в системе обязательного детского сада, сполна вкушивший строгого распорядка дошкольного учреждения, в котором все человеческие функции и отправления подчинялись унифицированным правилам, согласно которым сон, потребление пищи и даже походы в туалет должны были происходить одновременно и коллективно, воспринимал потенциальную смену системы с детсадовской на школьную как глоток свободы, как возможность большего выбора.

Для бывшего детсадовца пойти в школу означало стать взрослым, вырваться из-под всевидящего ока воспитательниц, располагать свободным временем, не спать, когда не хочется, и иметь взрослые атрибуты: школьную форму, портфель, тетрадки, ручки. Большинство будущих первоклассников не представляли, чем им придется за это заплатить: необходимостью неподвижно высиживать не всегда интересные уроки, временем, потраченным на скучные домашние задания, переживаниями из-за не очень хороших оценок.

Но в целом смена одной строгой системы на другую происходила у большинства первоклашек того периода совершенно безболезненно. Воспитательница и нянечка вкупе с двадцатью товарищами, объединенными общей целью – дожить до вечернего прихода родителей по возможности наиболее активно и радостно, заменялись одной учительницей и тридцатью товарищами, объединенными, по сути, похожей целью, но отягощенной дополнительной необходимостью получения знаний. Некоторые из правил оставались прежними: время кричать и время молчать, внимательно слушая. Время сидеть смирно и время бегать, не раздражая учительницу. Но походы в туалет теперь индивидуальны, необходимость съесть все, что поставили, отпадает. А по окончании уроков некоторые счастливчики вовсе предоставлены сами себе, и до самого прихода родителей с работы они могут делать все, что заблагорассудится! Какое невероятное расширение свобод: у семилетнего ребенка появляется возможность распоряжаться своим временем, пространством, досугом. Это ли не взрослость, о которой мечталось!

Таким образом, для ребенка советского периода переход из детского сада в начальную школу был естественным и адекватным переходом к большей свободе, большей ответственности и взрослости.

В детском саду мы часто играли во взрослых. Нам хотелось быстрее вырасти и стать похожими на наших родителей: сильных, умных, красивых. Нам хотелось так же, как они, управлять автомобилем, решать сложные жизненные вопросы, ходить на работу, иметь деньги и покупать себе все, что пожелаешь. Нам хотелось быть как они, и мы играли во врачей, строителей, машинистов, в летчиков, поваров, продавцов. Нам казалось, что взрослая жизнь полна свободы, что в ней много уверенности, силы и неограниченных возможностей. Мы так хотели туда, потому что все лучшее, казалось, ждет нас именно там, в будущем, в нашей взрослой жизни.

И поэтому, когда настало время идти в школу, я был рад главным образом оттого, что это приближало меня к заветной взрослости – лучшему периоду жизни, как мне тогда казалось. Новенький школьный портфель, заполненный не только новыми красивыми ручками, тетрадями, книжками, карандашами, но и самыми невероятными ожиданиями, от которых захватывало дух, – был материальным воплощением будущей взрослости, в которой я непременно буду лучшим. Эта уверенность позволяла ждать первого сентября с радостным предвкушением, и я не понимал волнения родителей, приведших меня за руку на школьный двор, заполненный гладиолусами и белыми бантами.

Школа меня поразила. Какое-то время я был даже весьма растерян оттого, что школа – это так много людей, причем людей, которых я совсем не знаю. Какое-то время я чувствовал себя совершенно одиноким и никому не нужным. Я послушно делал все, что меня просили: брал за руку какую-то девочку, хотя она мне совсем не нравилась, шел в класс, сидел за партой, слушал учительницу, которая говорила с нами о чем-то важном, но я совсем не помню о чем. На самом деле мне было важно только одно – чтобы учительница улыбнулась именно мне. Тогда бы я понял, что все хорошо, я принят, я есть для нее и, значит, мне можно не беспокоиться. Но похоже, ее волновало что-то совсем другое, и уж точно не я сам, хотя тогда я многое готов был сделать исключительно ради ее хотя бы мимолетного внимания.

Я готов был аккуратно писать бесконечные крючочки и буквы, решать бесчисленные примеры и глупые задачки, читать по слогам и с выражением, только чтобы она заметила меня, чтобы улыбнулась, похвалила, сказала, что я – молодец. Я ведь хотел быть лучшим! Во всяком случае, я хотел, чтобы на меня обращали внимание, потому что дома я был хоть и самым маленьким, но заметным человеком. Мне хотелось, чтобы учительница увидела, как я стараюсь, ведь это означало бы, что я все делаю правильно, что я на верном пути к своему прекрасному будущему.

Проблемы адаптации

Трудный ребенок – это тот ребенок, к которому мир на самых ранних этапах не сумел приспособиться.

Дональд Винникотт

Вообще сегодняшний первоклассник испытывает зачастую большие перегрузки, чем первоклассники прошлого. Нынешним матерям государством предоставлен выбор, как воспитывать дошкольников – в условиях детского сада или дома, и мамочки, имея собственный, часто весьма негативный, дошкольный опыт, теперь нередко выбирают домашнее воспитание для своего малыша. Многие из них готовят ребенка к школе заранее: посещают подготовительные курсы, разные кружки, секции, группы. Это большая помощь ребенку, которая позволяет ему не столько выучиться читать и писать перед тем, как пойти в школу, сколько узнать и принять правила, по которым он будет жить потом более десяти лет. Если ребенок встречается со школьной системой, впервые придя на урок, это может обернуться серьезным стрессом. Для домашних детей непривычны сразу несколько факторов:

- жестко разграниченная структура дня (уроки, перемены, завтраки, обеды, «продленка» и т. д.);
- особые требования к дисциплине;

– разноуровневые отношения (с учителями одни, с одноклассниками – другие, с прочими школьниками – третьи);

– новые требования, исходя из нового статуса – ученик;

– система оценивания его умений и навыков.

Поэтому неудивительно, что «домашние» первоклашки больше болеют из-за постоянного стресса, который они испытывают в первые месяцы учебы в школе. Для того чтобы адаптация проходила менее болезненно, важно выделять им (и обычным первоклашкам тоже) время для прежних игр, для отдыха, баловства, прогулок, одиночества или, наоборот, встреч со старыми друзьями. У маленького ученика обязательно должно находиться время для удовлетворения собственных потребностей и наполнения своего эмоционального резервуара положительными эмоциями, которые помогут ему быстрее освоиться и восстановить силы.

Родителям также важно понимать, что ребенок со сменой статуса не перестает быть маленьким. «Школьник», конечно, звучит гордо, но каждый маленький человек должен пройти свой собственный путь к обретению той ответственности и к уровню внутренней дисциплины, что стоят за этим словом. Преувеличенные родительские ожидания на этот счет могут вызвать в ребенке избыточное старание, которое вопреки ожиданиям взрослых не будет помогать, поскольку на избыточное старание уходит много психологических сил, которые ребенок мог бы потратить на спокойную сосредоточенность.

Мне кажется, любым взрослым, имеющим дело с младшими школьниками, важно понимать и принимать их **естественные ограничения**:

– недостаточно развитую мелкую моторику, отчего буквы могут получаться не такими красивыми, как у взрослых;

– трудности в проявлении усидчивости, двигательную расторможенность и гиперактивность либо, наоборот, замедленный темп восприятия и отставание от общего ритма;

– сложности в организации собственного времени и пространства, распределения нагрузки;

– проблемы в быстром усвоении всех школьных правил и в выстраивании гармоничных взаимоотношений с другими детьми и взрослыми.

На преодоление всех этих ограничений требуется время, причем индивидуальное для каждого ребенка. Желание некоторых взрослых (как учителей, так и родителей) сделать жизнь школьника сразу более зрелой объяснимо, но не совсем адекватно. В 6–7 лет у многих детей игровой интерес еще преобладает над образовательным. Конечно, большинство здоровых детей готовы учиться в этом возрасте, но они значительно эффективнее делают это в игре, поскольку игра всегда интереснее. А интерес – практически единственная мотивация стремления у такого маленького ребенка. Причем интерес не только к тому, что он познает, но и к тому, как его воспринимают окружающие. Для ребенка важно, чтобы оценили его усилия, заинтересовались его успехами, были снисходительны к его ошибкам и неудачам, то есть всего лишь замечали и поддерживали его своим вниманием. Роль учителя в этом вопросе невозможно переоценить.

Ребенок советских времен, чье личностное становление начиналось с коллективного детского сада, воспринимал потерю собственной исключительности в школе хоть и болезненно, но однозначно не столь остро, как дети нынешние, «выращенные» в домашних условиях. Для «домашних» детей отсутствие безраздельного внимания учителя к их маленькой персоне является не только несправедливым, но и противоестественным. Безусловно, они привыкли к тому, что если заняты важным делом, каковым, без всякого сомнения, является учеба в школе, то все взрослые должны проявлять к этому его персональному процессу максимум внимания.

«Домашний» ребенок, как правило, менее самостоятелен и претендует на значительно большее учительское участие. Вообще для младших школьников педагог становится сверхважной, по сути, материнской фигурой, и поэтому вполне естественно, что именно на первую

учительницу ребенок переносит модель отношений с собственной матерью. Авторитет первого учителя достаточно устойчив и обычно – вне критики, по крайней мере до тех пор, пока ребенок учится в школе.

Роль родителя в адаптации к школе проста и сложна одновременно. Он теперь вынужден делить с учителем степень влияния на собственного ребенка. Кто-то из родителей радостно перекладывает формирование и воспитание детей на учительские плечи. Кто-то держит любое учительское влияние под жестким контролем и часто вступает в осознанную или неосознанную конкуренцию с учителем, и совершенно, на мой взгляд, зря. Родительский авторитет для ребенка непререкаем до самого начала подросткового кризиса, а вот учительский может поколебаться от бесконечных родительских нападок, а малышу в начальной школе авторитет учителя абсолютно необходим.

Мне кажется, что значительно важнее для ребенка в начальной школе поддерживающе-защищающая роль родителя. Поддержка младшекласснику нужна не столько в виде открытой похвалы или восхищения его успехами, от чего он легко становится зависим, сколько в виде интереса к его школьной жизни: к новостям, урокам, проектам, событиям, самочувствию, эмоциональному состоянию, к его размышлениям и впечатлениям. Ребенку важно знать, что его будут любить даже тогда, когда он сделает что-то не так, когда совершит ошибку или допустит досадный просчет.

Под защитой я понимаю не столько открытое противостояние школе в случае возникновения у ребенка каких-либо проблем, сколько формирование у маленького человека ощущения, что его проблемы не останутся без внимания, что родитель попытается разобраться в сути происходящего, поймет, сопоставит потребности собственного ребенка и школы и поможет урегулировать возможные разногласия, оставаясь при этом на стороне своего малыша.

Таким образом, для маленького человека, начинающего школьную жизнь, важно, чтобы:

- его учительница уделяла ему как можно больше персонального и дружелюбного внимания;
- у него оставалось время на игры, прогулки и отдых;
- он знал, что родители любят его, даже если он не так успешен в школе, как всем бы того хотелось;
- ему было интересно учиться, и у него все получалось;
- отношения в классе были хорошими, было весело, и в школу идти хотелось.

Все это реализовать вполне возможно при осознанном подходе к выбору начальной школы для ребенка.

Если для родителей важнее психологический комфорт ребенка, его потребности, устойчивая мотивация, его уверенное, малострессовое включение в школьную жизнь, тогда выбор будет скорее всего на стороне частных школ или лицейских малочисленных классов, где у учителя есть возможность уделять максимальное внимание каждому, где обучение и формирование происходит более индивидуально и позволяет учесть особенности любого ребенка.

Если для родителей важнее опережающее образование, усердие, избыточная нагрузка, строгая дисциплина, эмоциональное напряжение и высокие требования, то большинство из них выберут спецшколы старого образца, без индивидуального подхода, нацеленные только на образование.

Если ребенок имеет явные особенности или сложности в характере, поведении, уровне развития, то важнее становятся персональные качества первого учителя: его способность, возможность и желание учить именно этого ребенка, его умение творчески подойти к особенностям и ограничениям маленького человека, доверившего ему свою детскую исключительность.

Учитель начальных классов

Из уроков некоторых педагогов мы извлекаем лишь умение сидеть прямо.

Владислав Катажинский

Своего первого учителя помнят практически все. Это особенный человек в нашей жизни. И каким бы он ни был, часто дети испытывают к нему особенные чувства, неизбежная составляющая которых – что-то сродни любви или по крайней мере большой душевной привязанности. В сознании ребенка первая учительница представляется всезнающей, справедливой, обладающей особой властью, заставляющей робеть даже родителей. В ее руках не только способность научить детей самым важным вещам, совершенно необходимым для жизни: чтению, счету, письму, – но и их самоощущение себя как успешных или неудачников, «хороших мальчиков» или «плохих девочек», все схватывающих на лету или не очень способных. Первый учитель – тот человек, чья оценка наряду с родительской остается с нами надолго, порой навсегда. Это человек с практически неограниченным влиянием на детское сознание. И потому, мне кажется, первому учителю совершенно необходимо осознавать собственную ответственность, вытекающую из такой неизбежной власти над детскими душами.

Что уж говорить, в моей практике, к большому сожалению, нередко встречались клиенты, серьезно пострадавшие от неадекватного применения учительской власти. Что руководило этими взрослыми людьми, выбравшими когда-то эту профессию, кто знает... Возможно, малоосознаваемое желание подчинить себе детей, в ответ на то, что когда-то некто подчинил их самих.

Кто-то из этих учителей считает строжайшую дисциплину, подавление воли учеников и даже унижение их личности большим благом и естественным педагогическим приемом. В их высказываниях нет и тени сомнения в том, что они могут быть не правы. Такие педагоги быстро делают из детей, живых, активных и способных удивить весь мир, солдат, готовых к беспрекословному исполнению чужой воли. И они очень удивятся, если вы им скажете, что быть солдатом – не главное в жизни предназначение и не единственная в мире специальность.

Кто-то из педагогов становится детям «больше чем матерью», начиная неосознанно конкурировать с родителями ребенка, пытаясь своей заботой и любовью... заполучить в ответ особую привязанность учеников. Зачастую этими учителями движет недополученная любовь и необходимость дать ребятам то, чего так не хватило в собственном детстве. Иногда такая сильная привязанность к ученикам – это попытка сделать свою эмоциональную жизнь более насыщенной самыми разными событиями и наполненной яркими чувствами. Часто это просто стремление спастись от одиночества, неудачного брака, нереализованности в личной жизни.

Для кого-то выбор профессии учителя начальных классов – это возможность быстро стать авторитетным и компетентным в глазах других. Ведь учителю не обязательно защищать диссертации, побеждать в олимпиадах, писать великие книги, можно лишь прийти в первый класс и при желании получить сразу все, о чем мечталось: власть, авторитет, привязанность, часто восхищение и любовь. Это очень просто...

И очень ответственно, особенно если осознавать, для чего мы каждый день идем к детям, которые верят каждому нашему слову. А ведь это так непросто – быть честным перед самим собой в понимании собственных мотивов. Почему я стал учителем? Деньги? Власть? Больше ничего не умею? Люблю детей? Люблю учить? Я делаю это лучше всех, потому что знаю как? Любой ответ, на мой взгляд психолога, будет лучше, чем неспособность задаться таким вопросом. Если я как учитель не понимаю, кто я на самом деле и для чего я здесь, то чему я могу научить детей? Читать и писать? Конечно. Но я убеждена в том, что учитель начальных клас-

сов больше чем кто-либо другой **преподает еще и просто жизнь**, почти каждый день решая проблемы справедливости, милосердия, отношений, любви, прощения, побед и поражений.

И тогда не важно, как и что ты преподаешь, **важно, кто ты**, какой ты, что представляешь собой, что несешь, заходя в класс, где детские головы и сердца уже готовы впитать всего тебя как образец их будущей жизни. Они провоцируют тебя на то, чтобы отдать им все, что у тебя есть, поделиться всем, что знаешь, посвятить им свою жизнь. Но тем не менее очень важно, на мой взгляд, понимать, что учитель – это не вся жизнь, это просто роль, профессия. Учитель – это **не весь ты**. Ведь за пределами школы у тебя есть еще большая и важная часть жизни. И от того, какая она, тоже зависит твой профессионализм.

Учитель младших классов, под чьим началом находится зачастую более тридцати детей, должен обладать, на мой взгляд, совершенно незаурядными способностями:

- терпением ангела;
- харизмой президента развивающегося африканского государства;
- стратегическими способностями великого полководца;
- обаянием популярного телеведущего;
- добротой и вниманием Матери Терезы;
- а также мудростью и справедливостью царя Соломона.

Иначе никто не получит удовольствия от процесса. Все будут страдать: и дети, и учитель будут отрабатывать школьные часы как тяжкую трудовую повинность. К счастью, хорошие учителя младших классов в нашей стране есть, несмотря на то что за это удивительное сочетание их качеств и способностей им, как правило, платят сущие копейки.

Одна из ряда непростых задач, стоящих перед учителем начальных классов, – удерживать внимание тридцати детей, жаждущих радостной активности, а не пассивного заглатывания знаний, необходимость которых они пока еще не в состоянии оценить. Уделять при этом персональное внимание, вести основную канву урока, укладываться в рамки учебной программы – практически невыполнимая миссия, подвластная только героям.

Некоторые не такие одаренные педагоги действуют по принципу советских времен: «Вас много, а я одна. И значит, моя задача так построить процесс, чтобы я с ним могла справиться, а вы при этом, извините, не в счет. Ваша задача – быть идеальными винтиками в отлаженном механизме, которым руковожу лично я. Для этого вы должны функционировать строго по правилам. Иначе возможен сбой в системе, который приведет к необходимости искать нестандартное решение, что обернется для меня большим перенапряжением».

Если встать на сторону такого педагога, его можно понять: вести уроки – занятие весьма стрессовое и лучше сделать его как можно более отлаженным, простым в управлении, предсказуемым. Только возникает один естественный вопрос: зачем тогда идти в учителя? Ведь можно найти соответствующую специальность и иметь дело с механизмами, которые не будут спрашивать, сомневаться, проявлять свою индивидуальность, претендовать на персональное внимание. Зачем же идти в школу, к детям?

Ведь ребенок, попадающий в класс, где учится еще около тридцати таких же жаждущих персонального участия маленьких королей, внезапно утративших свое королевство, либо начинает бороться за всеобщее внимание любыми способами, либо принимает правила «школьной игры». Главное из которых: молчи, пока тебя не спросили. Это правило потом переходит в устойчивое послание: твое мнение не важно, и ты сам незначим, значим только тот, кто может выделить тебя из толпы. Значит, необходимо либо смириться и всегда ориентироваться на того, кто главнее тебя, либо стать самым главным, тем, кто выделяет и раздает собственные оценки.

Кто из нас не собирался стать учителем, пока ходил в школу?

Я помню, как в начальных классах очень хотела быть учительницей. Что меня привлекало тогда в этой профессии? Возможность ставить оценки красными чернилами и писать красивым почерком замечания в дневник. Мне

казалось, что это самое увлекательное занятие на свете. О том, как буду учить детей, я, конечно не думала. Но зато я очень хорошо себе представляла, как буду ставить им оценки.

Однажды в моей квартире раздался звонок, и моя рыжеволосая подруга доложила потрясающую новость: в нашем центральном универмаге продавались красные чернила, она сама видела – всего 10 копеек. Это известие меня ошеломило. Я, видимо, предполагала, что красные чернила выдаются учителям из директорского сейфа под расписку, а оказалось, что их может приобрести каждый в магазине всего за 10 копеек.

Надо ли объяснять, насколько быстро были раскуплены заветные красные чернила, заправлены ручки и исписаны все старые дневники и тетради. Множество новых оценок, витиеватых росписей, остроумных замечаний появилось в моих старых школьных документах. Всего через неделю мне уже совершенно не хотелось стать учительницей.

Еще одна непростая психологическая задача, стоящая перед учителем начальных классов, – формирование детского коллектива. Ведь у ребенка в школе, кроме индивидуальных особенностей и событий, есть еще коллективные отношения и общие задачи. Школьный класс – это не просто разные дети, объединенные вместе одной целью, процессом, пространством. Это не сумма разных субъектов, складывающихся в нечто целое. Класс – это отдельный организм, со своими законами, нормами, ценностями, противоречиями, со своей атмосферой. Самый главный человек, кто будет поддерживать одни нормы и законы и не поддерживать другие, кто будет выделять или не выделять любимчиков, позволять насмешки над «козлом отпущения» или защищать любого ребенка из класса от унижения, несправедливости и агрессии, здесь, конечно, учитель. С его одобрения и при его помощи будет формироваться тот уникальный климат, неповторимая атмосфера, особенные взаимоотношения, которые и образуют школьный класс.

Сейчас зачастую набирают очень большие классы – около 30 человек в каждом. В государственной школе такое количество детей бывает оправдано нехваткой финансов, учителей и помещений. Оправдано, но, на мой взгляд, совершенно не эффективно. Для самих детей, которым, как говорилось выше, необходимо персональное внимание. Для процесса образования, ведь чем он индивидуальнее, тем результативнее. Для самого педагога, в конце концов, который хочет хорошо учить детей, не испытывая при этом сильного стресса. Оптимальный набор в первый класс, с точки зрения психолога, 10–12 детей. С одной стороны, при таком количестве ребят возможно построение практически индивидуального обучающего процесса, с другой стороны – 10–12 человек достаточно, чтобы класс был мини-коллективом со значительным числом различных связей между учениками.

Говоря об учителе начальной школы, важно понимать, что как бы ни сильна была его власть над учениками, есть еще и такая вещь, как мудрость отдельно взятого ребенка, вложенная в него самой природой. Именно она позволяет маленькому человеку, даже не имея собственного опыта и глубоких знаний о жизни, отделять плохих людей от хороших: учиться у сильных и мудрых – игнорировать пустых и неинтересных, тянуться к добрым и светлым – избегать недовольных и злых.

Оценки

Если я буду, как он, кто будет, как я?
Еврейская поговорка

Еще одним новым в психологическом плане моментом для ученика начальной школы является оценка его достижений. Его, конечно, и раньше оценивали: родители, воспитатели и иные, часто вовсе посторонние люди. Оценивали, разумеется, не в баллах, а в описательных прилагательных: хороший, плохой, невнимательный, грубый, умненький, послушный и т. д. Малыш уже пытался анализировать и учитывать все эти оценки. Собственно, они и раздавались с целью, чтобы ребенок укреплял то положительное, что уже есть, и избавлялся от того отрицательного, что не нравится взрослым.

Но тем не менее ориентировка на оценку для большинства дошколят все же не была основной психологической нагрузкой, потому что они впитывали в себя окружающий мир активно, тотально и неизбежно.

Школа для ребенка, пошедшего в первый класс, изменила правила игры. Если раньше мало кто интересовался тем, что именно он так радостно воспринимает, то теперь наступила пора избирательного восприятия: в основном только того, что одобрено школьной программой. Причем ученик уже должен отчитываться за то, что и как он усвоил. И его отчет ко второму классу начинают оценивать в баллах.

Отметка становится основной мерой того, насколько успешно ребенок существует и функционирует как школьник. Но многие учителя и, к сожалению, родители забывают, что школьные оценки – это лишь *субъективный* показатель того, как ребенок *справляется с теми или иными требованиями учебной программы*, поддержанными данной школой. Родители и учителя из простого наличия тех или иных оценок в дневнике у ребенка зачастую делают глубокомысленные выводы о его личности, обо всем его существе, о его настоящем и будущем. Им школьные оценки кажутся чем-то истинным и настолько убедительным, что они забывают свой опыт, который порой не менее убедительно доказывает обратное.

Сколько примеров весьма успешных людей, бывших в школе двоечниками! Нет прямой и однозначной зависимости счастливой жизни от хороших оценок. Потому что усидчивость, аккуратность, внимательность, послушание, воспитанность – не единственные качества, приводящие нас к успеху. Но именно они по большей части являются хорошим основанием для отличных оценок.

Самое печальное и, пожалуй, вредное в родительской и учительской вере в сверхзначимость школьных отметок то, что эта вера непосредственно влияет на формирование самооценки подрастающего человека. У школьника понятие «самооценка» по большей части не оправдывает своего названия, потому что она складывается не столько из оценивания себя самого, а из впитанных оценок взрослых. И он настолько верит им, что очень часто, даже в глубокой старости, так и не знает, на что же на самом деле был способен. Умирает, не раскрыв собственных талантов и возможностей, не обретя самого себя.

Дети очень верят взрослым, особенно значимым для них взрослым, каковыми, без сомнения, являются родители и учителя. Они не могут не верить, тем более в начальной школе, потому что еще действительно мало знают о себе и им важно опереться в своем знании на кого-то, кто более авторитетен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.